

Русское вечное

ПОДГОТОВИЛА АНАСТАСИЯ КОЖЕВНИКОВА

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

Александр Боровский — искусствовед, арт-критик, куратор, заведующий первым в России отделом новейших течений в Русском музее. Накануне открытия выставки «Актуальный рисунок» в музее PERMM «человек-космос», как его называют, прочитал лекцию «Шок в искусстве». Выступление получилось не столько о шоке, сколько о положении современного русского и мирового искусства.

Вы меня спросите: что сейчас в Питере происходит? Ничего не происходит. Сенсационных имён нет. Был Тимур Новиков, фигура во многом мифологизированная, кстати. Есть группа 45-летних хороших западных художников. Они сами так о себе говорят: «Мы хотим быть западными художниками». Что ж, пожалуйста.

Современное искусство находится в кризисе. Его съели институции. Есть некоторые живительные силы — прежде всего «аутсайдер-арт», в который входит всё, кроме истеблишмента. Привели к нам как-то на выставку Михаила Ефременко, токаря. Он немного несконцентрированный, но очень интересный. Делает 20 лет сагу о пришельцах. Придумал их язык, 200 рисунков головных уборов, 500 рисунков оружия... И у нас совершенно нет возможности сделать из него мировую звезду! Наша беда в том, что у нас много амбиций и мало амуниции.

В Петербурге есть четыре приличные галереи, появился новый музей ленинградского искусства. Наш отдел новейших течений в Русском музее сейчас делает мало уникальных выставок, потому что денег нет. Тем не менее потрясающая должна быть выставка учеников Петрова-Водкина. Найдены новые ученики, новые системы обучения. Это будет сенса-

ция! Ещё мы с коллегами хотим сделать выставку, о которой никто не догадывается. В начале 1950-х годов, при жизни Сталина, был хороший, чистый геометрический стиль в фарфоре, стекле и дизайне, который был напрочь забыт.

Искусство сейчас находится в состоянии самопознания. Я думаю, что зреют новые всходы, которые взойдут через

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО НАХОДИТСЯ В КРИЗИСЕ. ЕГО СЪЕЛИ ИНСТИТУЦИИ

несколько лет. Что-то болит, что-то наоборот. Графика интересно развивается. Но иллюстрация сжалась, потеряла те функциональные позиции, которые имела в 1970–1980-е. Если мы говорим о рисовании, то здесь появляются новые шаги, если о видеоарте, то здесь тоже много нового, как и если говорить об инсталляции. Но когда мы говорим о разного рода концептах, я вижу очень много повторов и инерции стиля, особенно в концептуальном разрезе. После «Молодых британских художников» есть отдельные великие личности, но мощного движения нет. Значит, скоро будет. Необязательно же, чтобы каждые пять лет что-то такое свершалось. У России был авангард 1920-х годов, которого вполне хватит на столетие.

Я не вижу большого будущего акционизма. У него есть всего несколько ходов, которые почти все исчерпаны. Другое дело, что перформанс как таковой вечен и мощен. Политический акционизм вызывает большое уважение, но это осторожное направление. Оно находится между двух полюсов: массмедийное развлечение или прямое действие.

Задача политического акционизма — вызвать кого-то на бой. Самое обидное — когда на бой никто не выходит. Пётр Павленский, который за три года стал героем этого направления, добился того, что не стоит и не ждёт, когда кто-нибудь выйдет. А вот наши артисты, которые 30 лет живут в Америке, потеряли Советский Союз как спарринг-партнёра и немного растерялись. С кем ещё бороться?

Художники горазды делать себе имена на стратегиях конфликта. Говорим «шок», «сопротивление», «акционизм», подразумеваем Павленского. Для меня это загадочная фигура. Этот парень ведёт какую-то свою правильную политику. С одной стороны, всё, что он делает, вызывает у нормального